

**Виктор Сайгинов
КУСОЧЕК СЧАСТЬЯ**

ОБ АВТОРЕ

САЙГИНОВ Виктор Андреевич родился в г. Ростове-на-Дону в 1934 году. Первая запись в трудовой книжке датирована сентябрем 1950 года.

С этого времени началась его морская работа на судах торгового флота Дальневосточного, Северного, и Азовского пароходств. Службу прошел на Тихоокеанском Флоте в третьем гвардейском дивизионе торпедных катеров.

После окончания в 1965 году Ростовского мореходного училища имени Г.Я. Седова по специальности «судовождение» продолжил работу в должности штурмана. Побывал во многих портах всех континентов, кроме Антарктиды. Прошел все ступени карьерного роста от матроса-уборщика до капитана дальнего плавания. Последняя запись в трудовой книжке — апрель 2010 года, капитан теплохода «Трускавец». Является учредителем судоходной компании ООО «Азовские паромные переправы».

Профессиональные обязанности Виктор Андреевич совмещал с творческой деятельностью.

Им написаны повести, рассказы, стихотворения, в основном, на морскую тему. Некоторые из рассказов были опубликованы в периодической печати.

...Мы с детства любим корабли. И потому,

*Впервые трап увидя,
Курсантами приходим по нему,
Уходим капитанами седыми.*

КУСОЧЕК СЧАСТЬЯ

ГЛАВА 1

Жена ушла от меня на первом году нашей совместной семейной жизни. Считаю, что поступила разумно в сложившейся на то время обстановке и я ее не осуждаю строго за произошедший между нами разрыв. В те далекие годы я ничего не мог дать молодой и красивой женщине кроме самоуверенности на прекрасное будущее и диплома об окончании мореходного училища. Пылкая любовь и молодость аргументы веские, но и они не всегда берут верх над злополучной малоопытностью и неустроенностью в быту. Молодые специалисты, а тем более семейные пары направленные по распределению к месту работы чаще всего сталкиваются с огромной проблемой и насущный вопрос жилья решают самостоятельно и зачастую не всегда успешно, что несомнен — но отражается на дальнейших взаимоотношениях между супругами.

Руководство парходства поставило меня в

очередь на получение жилья как молодого специалиста и передо мной открылся горизонт получить квартиру через несколько лет. Как и многие подобные нам мы с женой обосновались в пригороде в покосившейся времянке частного сектора с баснословной месячной платой за проживание с удобствами под открытым небом и с несбывшейся мечтой о небесном рае в шалаше.

Свалившиеся на наши головы неурядицы и недопонимания сделали свое грязное дело и как для многих молодых семей так и для нас оказались барьером сложным и непреодолимым. Мы оказались не готовыми к подобным испытаниям ни с финансовой, ни с моральной точек зрения. Нас к этому не подготовили старшие, не научила школа, не подсказали учебные заведения, нам не уделило должного внимания государство. Мы оказались на распутьи. В этой житейской неразберихе достаточно нескольких разговоров на повышенных тонах и база для разрыва семейных отношений готова в своей классической формулировке — не сошлись характером. На смену житейским неурядицам незамедлительно пришла позиционная гордыня, она то и загнала нас в тупик из которого обратного пути мы не нашли.

Я ушел в дальний рейс с шаткой надеждой, что с возвращением все образуется и мы заживем в понимании и согласии и нами будут гордиться

наши родители. Но все произошло с точностью до наоборот. Жена ушла от меня. В ее решении и поступке немалую роль сыграла моя «любимая теща», которая всегда при удобном случае подчеркивала, что моряк это человек непутевый и для ее дочери, воспитанной в музыкальной среде с возвышенными идеалами об искусстве, не пара. Моя возлюбленная вернулась в родительский дом. Ей подыскивали достойную пару и она вскоре переехала к гражданскому мужу в благоустроенную квартиру навсегда порешив мои радужные надежды о семейном счастье.

По окончании рейса мне вручили повестку явиться в суд для решения вопроса о разводе, а заодно и предписание прибыть незамедлительно в отдел кадров для детального объяснения моего «аморального» поведения по отношению к моей супруге. В те годы партийные и профсоюзные органы не допускали и не принимали причин разрушения семьи, а тем более тех семей, где один из супругов имел допуск посещать страны «загнивающего» капитализма. Как правило, в подобных ситуациях виноватым оказывался моряк. По окончании всех разборок и нравоучений меня лишили допуска, то есть закрыли визу и направили исправляться на буксир каботажного плавания на неопределенный срок.

Нетрудно представить состояние молодого

штурмана, лишенного возможности расти по служебной лестнице на судах заграничного плавания с перспективой подняться на капитанский мостик в должности капитана. В одночасье все рухнуло. Отпала необходимость проживать на съемной жилплощади, а так как весь мой житейский скарб вмещался в небольшой чемодан, которому с лихвой хватало места в крохотной каюте линейного буксира. Он совершал регулярные рейсы вдоль морского побережья именно сюда я был назначен третьим помощником капитана. Я с облегчением на сердце расплатился с хозяйкой, выслушал добросердечное ее материнское напутствие и заверение, что у меня все сложится благополучно и отправился повышать морскую квалификацию к месту своего назначения.

Через несколько недель моей службы в новой должности не на лесовозе, а на буксире я ощутил, что из меня вышел весь внутренний негатив который, раздирал изнутри после несправедливого наказания. Я понял, что есть большие корабли и малые, есть дальнее и местное плавания, существуют взаимоотношения простых исполнителей с большими чиновниками и должностными особами от прихоти которых зависят многие судьбы людей. Во всем этом присутствовала необъяснимая и непонятная прелесть самоутверждения личности в окружаемом

тебя мире и желание выбраться из этого заколдованного круга одних губила, а других выталкивала на гребень бурлящей волны жизни, в которой необходимо или плыть или погружаться в морскую пучину. К моему большому счастью я попал в среду настоящих моряков с огромным профессиональным и жизненным опытом который в будущем сыграл для меня неоценимую услугу и я им благодарен за все чего достиг в будущем.

Мои соученики как-то с непониманием относились к моей самоуспокоенности и удивлялись, что я не жаловался на свою работу, не завидовал им в их успешном продвижении по службе и не выражал зависти, что не могу посещать и наслаждаться прелестью средиземноморских и других портов. Мне нравилась моя работа и я выполнял ее с легкостью настолько, насколько позволяли мои знания и приобретенный опыт буксировщика. Иногда, сойдя на берег, я навещал хозяйку, у которой мы с женой квартировали. Она никогда не задавала мне вопроса, на который я не смог бы ответить чистосердечно. Это меня в какой-то степени успокаивало и даже радовало. Стал замечать, что все реже и реже возвращаюсь к образу, покинувшей меня жены. Боль и обида улеглись и я смирился с холостяцкой жизнью.

Неожиданно меня вызвали в отдел кадров. Начальник отдела по работе с моряками

заграничного плавания посмотрел на меня исподлобья и стараясь показаться предельно строгим, спросил.

— И до каких пор мы будем отсиживаться в каботаже, уважаемый?

Вопрос для меня был таким неожиданным и ошарашивающим, что я сразу почувствовал себя партизаном белорусских лесов. В голове лихорадочно завертелась мысль — «или я где-то прокололся в профессиональном вопросе или где-то сболтнул, что-то непристойное, порочащее наш политический строй и руководство страны Советов»?

Я в какое-то мгновение и не осознавая, что говорю, выдавил из себя, — Сколько потребуется начальству.

Моя рожа на тот момент была настолько наглая и безразличная ко всему тому, о чем спрашивали меня, что высокопоставленный чиновник, к которому, как правило, входили просители на полусогнутых ногах, вдруг сдержанно улыбнулся и сказал.

— Ну и наглец! Вот анкета, секретарь объяснит и подскажет как без ошибок заполнить документ. Свободен!

Меня «вытолкнули» из кабинета, который был наделен государством — казнить или миловать. Появилось достаточно времени чтобы не

торопиться с возвращением на буксир, побыть наедине самим с собой и обмозговать, как поступать дальше. Я даже поймал себя на мысли, что в меня закралась боязнь сменить каботажное плавание на дальнейшее заграничное.

На буксире я был, как говорится, в своей тарелке, а перспектива оказаться на новом теплоходе и с незнакомым коллективом меня как-то не особенно радовала. Прошло много месяцев как мои соученики бороздили просторы морей и океанов, некоторые даже шагнули во вторые помощники капитана и считали себя заправскими моряками. А что я? Обыкновенный бесперспективный, среди женского сословия, каботажник. Захотелось основательно выпить, но я передумал, побродил какое-то время по набережной и вернулся на судно. Капитан выслушал меня внимательно и кратко сказал.

— Я очень рад за тебя.

Через несколько дней мне прислали замену и я начал изнурительную процедуру переаттестации на должность третьего помощника капитана судов дальнего плавания. По окончании всех формальностей и получении паспорта моряка я был направлен на новый теплоход, который достраивался на судовой верфи в Ленинграде. Опасения мои и тревоги развеялись окончательно как только я поднялся по судовому трапу. Экипаж встретил

меня радушно и приветливо. Старпом, как и положено по этикету, представил меня капитану. Капитан посмотрел на меня оценивающим взглядом и спокойно сказал.

— Приступайте к работе.

Настало время и мой теплоход благополучно покинул гостеприимный Ленинград и началась моя новая удивительная и полная увлекательных событий и романтики морская жизнь.

Как и следовало ожидать — из очереди на получение жилья меня исключили как убежденного холостяка, но это меня мало огорчило. По стране катился бум кооперативного строительства. Жилых домов где можно без особого труда. Заполучить квартиру на любой вкус, только плати деньги. Я так и поступил и уже через два года имел в собственности двухкомнатные апартаменты. За работой как-то не находилось времени, что-бы задуматься над вопросом — привести хозяйку в дом. Видимо, боязнь оказаться вторично разочарованным в семейной жизни меня сдерживала от столь серьезного шага. Не исключено, что это обстоятельство способствовало успешному моему росту по служебной лестнице. Спешить было некуда и заботиться было не о ком.

На теплоходе, который дал мне вторую жизнь после буксира, я дослужился до старшего помощника капитана и даже подменял капитана,

когда он списывался в отпуск и отгулы, но время неумолимо двигалось вперед и настал момент когда и мне дали разрешение преодолеть еще одну ступень роста, сдать экзамен на звание капитана дальнего плавания и занять должность капитана на другом судне. Экипаж который вывел меня в люди я покидал с огромным неудовлетворением и горечью утраты. Трудно было осознавать то, что теперь только на тебя ложится вся ответственность за дела и поступки и ты не имеешь права на ошибку, перед тобой нет надежной спины за которую можно спрятаться, нет умного и надежного наставника. Я стал капитаном и был наделен волей судьбы очень большими, царскими, полномочиями и этой властью необходимо распоряжаться взвешено и честно. Задача трудная, но вполне выполнимая и я понес эту ношу, как и многие другие смертные, подобные мне.

У моряков северян издревле считалось, что если судно огибало самую северную точку Европы, мыс Норд-Кап, то значит рейс подходил к концу и если кто собирался в отпуск или отгулы мог спокойно укладывать вещи в чемодан. В каюту постучали. Вошел начальник радиостанции, в руках у него была радиограмма, он положил ее на столик и сказал.

— Замену подтвердили.

Радист вышел, а его подавленное состояние

потаянным методом переметнулось ко мне.

Я впервые ощутил чертовскую усталость за полтора года работы без отпуска и мной одолело желание — побыстрее передать командование судном подменному капитану и укатить на Юг к теплому и ласковому Азовскому морю, на берегах которого прошло мое детство, где в пребрежных камнях руками ловил лупоглазых бычков. Теперь они стали таким дефицитом в консервированном виде, что их невозможно заполучить даже на представительские цели.

В такие моменты время начинает свой отсчет не на сутки, часы и минуты, а на секунды в ожидании замены. Появляется внутреннее неудовлетворение и кажется, что судно следует не полным ходом, а главный двигатель работает с перебоями и лаг отсчитывает неправильно пройденные мили. Хотелось на ком-то выместить свой внутренний негатив, даже необоснованно повисить голос на кого-то, но мне пришлось пересилить это отвратительное состояние и взять себя в руки, так как статус капитана не позволял этого делать на виду у подчиненных. Окончательно мое предотпускное настроение подняли старший механик и электромеханик. Они без предупреждения ввалились ко мне в каюту с бутылкой шотландского виски и я не смог им отказать. В их присутствии высказал свои

намерения:

— Выплюсь на сеновале, отрощу бороду, подальше спрячу форменный костюм и в облике дикаря — катер на воду и на рыбалку к дядьке Терентию недельки на две, половить непревзойденную шиловскую тарань.

Гости пожелали сбыться всем моим мечтам и разошлись, а я оставшись наедине опять мысленно переметнулся в свой родной поселок. Единственное, что меня тревожило так это первые минуты встречи с мамой. Мне предстояло выдержать ее пристальный, требующий ответа, взгляд и как в прежние приезды развести по сторонам руки ответить виновато.

— Не встретил, мама, да и времени не было.

Скупую слезу она смахнет кончиком косынки, отведет в сторону взгляд синеватых глаз и не мне, а братьям, их у меня трое, как бы жалуясь и ожидая поддержки скажет:

— Видимо не даст мне и ваш брат внучку понянчить.

От этих ее грустных слов станет тоскливо и неудобно, что окажись рядом сверхзамухрышка то взял бы ее за ручку и не задумываясь о последствиях повел бы под венец. Почему мама всегда говорила о внучке? Да потому, что из подрастающей нашей смены по линии близкой родни кроме племянников у меня никого не было.

И почему в их шаловливый мужской коллектив бабушка с неослабевающей надеждой хочет вклинить существо плаксивое и капризное? Племянников я любил искренне и всегда старался выполнять их капризы и желания. С нескрываемым восторгом завидовал братьям, что у них растут сыновья и возможно моя смена на капитанском мостике. На мою искреннюю зависть все реагировали с большим сочувствием и пониманием, выражали надежду, что в следующий мой приезд в нашем поселке состоится очередная свадьба с размахом, максимально приближенная к старым обычаям и традициям. А это значит с костром через который должна промчатся линейка запряженная парой гнедых лошадей, с молодыми и их свидетелями.

Но реальность и на этот раз подтверждала, что кроме разочарования близким и знакомым я ничего не привезу. В три дня, которые мне положено по Уставу на передачу дел я уложился и с приказом о списании с судна и рапортом о проделанной работе предстал перед начальником пароходства, что-бы исполнить последнюю процедуру — оставить написанную собственноручно бумагу с указанием точного адреса моего местонахождения на время отпуска. Начальник пожелал приятного отдыха и неожиданно задал вопрос.

— Как вы относитесь к тому, чтобы

поработать годика три — четыре за границей? Министерство морского флота разместило большие заказы на строительство сухогрузного флота на зарубежных верфях и нужны очень ответственные специалисты по контролю за исполнением заказа правительства.

— Доверяете, значит поеду, — ответил я не раздумывая.

— Вот и договорились, будем рекомендовать.

Вечером с друзьями мы отметили мою отходную в ресторане. Они одобрили мое согласие поработать за кордоном, подняли несколько бокалов за удачу, а утром в приподнятом настроении я улетел на Юг.

ГЛАВА 2

Я позвонила в Москву и сообщила, что цела и невредима, устроилась с комфортом и чувствую себя превосходно. Взволнованный, чуть повышенный голос любимой мамочки настойчиво требовал указать ей место моего нахождения, но об этом я умолчала. Пусть думают, что нахожусь в Крыму или на Кавказе, обзванивают своих многочисленных друзей и разыскивают меня у них. Если не догадаются и им не придет в голову мысль — позвонить на центральный переговорный пункт и узнать из какого города позвонили, то никогда не

догадаются, что я без чьей-либо подсказки, проявив впервые самостоятельность, нарушила традиционные маршруты семейного отдыха, оказалась в рыбацком поселке на берегу Азовского моря и снимаю получердачную уютную комнатку с маленьким окошком с видом на море, о котором только и слышала — самое теплое, самое спокойное, самое рыбное.

В нем нет лазурной, чарующей глаз голубизны, накатывающегося на каменистый берег с грохотом белоснежного прибоя. Оно кроткое и ласковое, его волны не пугают, а наоборот успокаивают и убаюкивают и мне было как-то неудобно перед ним, что до этого была влюблена и отдавала предпочтение более маститому водному простору с его экзотическими берегами и горными вершинами. Я шла не торопясь по раскаленному песку пляжа. На мелководье бултыхалась звенящая голосами беззаботная детвора. Их переполняло счастье от свободы и всего того, что творилось вокруг. Я завидовала им и корила себя за то, что не могу освободиться от слов мамы.

— Виктория, ты поступила легкомысленно, подумай о нас, мы обеспокоены твоим поступком, Альберт Петрович в отчаянии. Может объяснишь причину своего странного бегства?

При упоминании имени Альберт Петрович я положила телефонную трубку и сразу пожалела,

что обидела маму. Альберт Петрович это достаточно известный актер и режиссер о большом таланте которого мне дома говорили и постоянно напоминали и всегда напоминают при удобном случае. Он много лет дружен с моими родителями и они относятся к нему с большим уважением, так как сами принадлежат к элите артистических звезд. Что касается меня то, Альберта Петровича я помню с того времени когда стала понимать, что он приносит для меня красочные кульки наполненные сладостями и вручая их мне улыбаясь говорил одну и ту же фразу удивления и восторга — «просто невеста!» Родители в ответ также мило улыбались и подтверждали полушутя, полусерьезно неоспоримый биологический факт-«растет не по дням, а по часам.» Все дружно смеялись потому, что было весело и забавно.

Прошло немного времени и сладости сменились подарками. Как школьнице это мне нравилось и приносило взволнованное удовлетворение, но вскоре надоело. Пыталась отказываться и не принимать, но все в один голос твердили, что это плохая манера и я могу обидеть и оттолкнуть от себя расположение знаменитого человека, потерять с ним дружбу которая для других так лестна и недоступна. Мне искренне завидовали одноклассницы, затем сокурсницы, просто знакомые, друзья и подруги. Но советовать,

что-либо остерегались, а как поступить правильно сама я не знала. И вдруг в одно мгновение все перевернулось. Был чудесный летний вечер. На нашей даче в подмосковьи собралось много гостей, чтобы отпраздновать мой дебют на сцене, зачисление в труппу и успех удачно сыгранной роли после окончания театрального института. Мы с мамой на несколько минут уединились в беседке сада и услышанные из маминых уст слова ошеломили меня и заставили посмотреть на окружающий мир иными глазами. Мама говорила с подчеркнутой деловитостью и серьезно. После каждого слова выдерживала паузу, чтобы сказанное убедительно проникало в мою растерянную от неожиданности душу.

— Доченька, счастье само идет к тебе в объятие, уважаемый Альберт Петрович просит твоей руки. Лучшей партии трудно представить. Это такое счастье быть рядом с таким талантищем! Ты не представляешь, как мы с папой рады.

Я промолчала и вернулась к гостям, но оставаться среди них желания не было, угнетала боль и обида. Я смотрела на себя с позиции подопытного кролика, которого до поры до времени растили и опекали, чтобы в будущем в торжественной обстановке и церемонии зарезать. И вот настал всеми одобренный, всеми кроме меня, миг жертвоприношения. Мне обрисовали

радужную перспективу моего дальнейшего счастливого бытия, которого я не понимала и не представляла на данном этапе. Стало, по-детски, страшно, что дружеские отношения должны перерасти в официальные супружеские обязанности. Выйти замуж я была готова в четырнадцать лет. Тогда Альберт Петрович был моим кумиром, его я любила, гордилась и ждала внимания, ревновала к поклонницам, думала о нем по ночам, хотела быстрее подрасти и отдаться ему. А сейчас? Нет. Детская любовь сама собой прошла, а повзрослевшая не увлекла. Остались уважение к другу моих родителей и, неоспоримое признание его таланта, но этого так мало чтобы начинать создавать семью и считать себя счастливой по настоящему.

Разница в возрасте меня не пугала. Подобных браков сколько угодно. Восстало и пробудилось во мне другое. Нужно ли приносить себя в жертву ради благоустроенности, вещизма, положения в обществе, карьеры, а заполучив все это сполна, платить собой человеку, к которому не испытываешь любви? Кто оценит и по какой шкале подобные самопожертвования и оправдают ли эти жертвы дети зачатые в безразличии и рожденные как дань продолжения рода? Пришло понимание и твердая уверенность, что каждая девушка, женщина должна иметь право на любовь в любом ее

проявлении: то ли долгая и безоблочная, то ли мимолетная с разочарованиями и болью, но чтобы она и только она была в жизни влюбленных. Мне не хотелось отдавать этого неизведанного будущего не испытав на себе его магического очарования.

С дачи я сбежала не предупредив гостей и возвращалась домой в полупустой ночной электричке одна. В памяти, как с магнитофонной ленты скручивались годы отделенные школьным выпускным балом. Именно тот день стал поворотным в моей судьбе, именно тогда моя нерешительность в полной мере проявила себя и взяла верх и определила мое будущее. Преемственность поколений, о которой мне постоянно напоминали родители, определили мою профессию. Только сейчас поняла, что совершила ошибку, не послушала совета школьного друга и не подала документы в другой институт, в котором мы мечтали учиться вместе на факультете журналистики. Этому не суждено было осуществиться, о чем я часто сожалела, но не теряла надежды исправить допущенную ошибку.

С того памятного дня на даче прошло несколько лет. Ко мне пришел успех на сцене, я стала востребована на ведущие роли и жизнь вполне бы меня устраивала, если бы не это злополучное — «НО»? Альберт Петрович не отказался от прежних намерений заполучить меня в

свои объятья, и желание родителей соединить меня с ним брачными узами осталось прежним. Заняв, с виду, безобидную позицию терпеливого отвергнутого неудачника, он все эти годы с присущим ему умением и осторожностью актера и профессионального режиссера целенаправленно перековывал мое сознание в нужном, для обеих сторон направлении.

Имея в доме единомышленников и получая от них значительную поддержку, совместно спланированная идеологическая атака стала приносить обнадеживающие результаты. Меня как зверька обложили со всех сторон опытные охотники и я почувствовала, что начинаю мириться с судьбой, становлюсь кроткой и послушной уготованной для меня доли. Закулисные пересуды, навешенный необоснованно, но умело скрываемый от постороннего глаза мой гражданский брак с Альбертом Петровичем, надломили и без того слабую мою сопротивляемость и стойкость.

Наступил момент и мне показалось, что я потеряла право быть сама собою, без разрешения старших встречаться с друзьями и приятелями, а тем более с мужчиной которого могу полюбить. Это ужасное по своей катастрофичности открытие доказало, что как самостоятельная личность способная противостоять кому-то или чему-то, я не существую. Меня просто на просто раздавили как

букашку и как нищенке на паперти бросили милостыню выбрать путь жены или любовницы. В моем положении и тот и другой были равнозначны и в перспективе ничего хорошего не обещали. Но вдруг какая-то сверхъестественная сила, в которую я никогда не верила, перевернула мое сознание, пробудила во мне внутренний протест и волю к свободе. Воспользовавшись случаем, что в квартире никого не было я в считанные минуты собрала минимум необходимого в дорогу, вызвала такси и помчалась на железнодорожный вокзал, чтобы ближайшим поездом уехать из Москвы куда угодно и как можно побыстрее. Я сознательно не предупредила о своем бегстве ни знакомых, ни родителей. Мне необходимо было доказать, что могу самостоятельно принимать решения, не чувствую себя опекаемым ребенком и не потерплю над собой насилия.

ГЛАВА 3

С утра хмарилось. Ветер перевернул на слабую низовку и по всем приметам народной метеорологии ожидался дождь. В это время года дождь рыбалке не помеха, а наоборот способствует хорошему клеву так как с неба каплет, без единого дуновения ветерка склоняющийся ко сну, тепленький дождик. Но эта особенность летнего Азовского

моря на поверхности которого преобладают тишь да благодать иногда оборачивается плохо для не посвященных трагедией. Море в одно мгновение может преобразиться и показать себя с отрицательной стороны, выплеснуть сполна свой норов да такой, то все вокруг становится с ног на голову с закрученными столбами смерчей и ураганным шквалистым ветром. Вода становится грязной от поднятого со дна ила, а волны низкие и злые, видимо, от того что не дотягивают ростом до океанских. Предугадать точно погоду всегда трудно, о я надеялся лучшее и без раздумия и колебаний собирался выйти в море.

— Надумаешь на Должанку как там обернется по погоде, — говорил с подчеркнутым деловым спокойствием старший брат, — к дядьке Терентию обязательно зайди. Шибко повидать тебя хотел, сказывал о чем то важном погутарить хочет. Боится, что помрет не свидясь с тобой.

Брат замолчал. Из кухни вышла мама со свертком приготовленных продуктов. Она не скрывала своей озабоченности.

— Не ходил бы, сынок, еще успеется, погода глянь какая дрянная, море цвета недоброго и птица ведет себя тревожно.

— Да будет вам, мамо, по океанам шастает, а вы море.

— Так то океан там может и спокойнее, а тут

море.

Вынырнувший неожиданно из двери спальни младший племян в ответ на просьбу взять его на рыбалку незамедлительно получил от отца подзатыльник и не дожидаясь повторной экзекуции юркнул опять в детскую комнату, мелькнув голой задницей. Прихватив сумку с провизией мы с братом вышли из дома и пошли к берегу. Солнце, словно, тоганом вспороло горизонт и вошло богряным пламенем в тучу. Час был ранний, берег безлюден. От песка тянуло сыростью и прохладой, а пляжные грибки влажные от росы и одинокие были похожие на путников плывущих миражом по бескрайнему простору Аравийской пустыни.

— Будь осторожен, Гриша —, апутствовал брат —, баки заправлены под завязку, запасная канистра в носовом отсеке ну а коль что не заладится мне тебя не учить. Попробуй на банке у затопленной баржи там судак покрупнее и хорошо берет на живца.

Двигатель работал ровно, катер резво скользил по поверхности моря, покрытого мелкой рябью. Грозовые тучи зависли так низко, что казались до них можно дотронуться рукой.

Стал накрапывать крупными каплями редкий дождь и пришлось одеть штормовку. Чуть-чуть справа почти по курсу у горизонта показалась расплывчатая точка. Расстояние сокращалось и

точка превратилась в предмет похожий, без сомнения, на маленькое плавсредство. Когда стало очевидным, что в море не катер с рыбаком, а обыкновенная прогулочная лодка в душу закралось тревожное сомнение. На таком большом расстоянии от берега и без мотора? Посмотрев в бинокль я подметил, то человек в лодке сидел как то неестественно сжавшись в комочек и не проявляя никаких признаков жизни. Я не раздумывая подкорректировал курс и повел катер на сближение с лодкой.

ГЛАВА 4

Несколько дней подряд мне не давала покоя шальная мысль — научиться грести веслами и поуправлять маленьким суденышком. Я никогда не сидела за веслами и всегда завидовала тем кто усилием мышц и воли заставляет двигаться лодку в нужном направлении. Днем на виду у сотен отдыхающих начать тренировки я не рискнула, да и трудно в такое время заполучить в единоличное пользование лодку. Желание освоить гребной спорт меня не оставляло в покое, а наоборот возрастало с каждым днем, поэтому я попыталась решить этот вопрос ближе к вечеру. Договорившись со сторожем станции проката прогулочных лодок, с милым старикашкой, всегда в меру под хмельком,

традиционной тельняшке навывпуск, что несомненно, подтверждало его принадлежность к флотской братии, я за определенное вознаграждение стала обладательницей долгожданной прогулочной лодки с веслами и спасательным кругом в носовой части. Старик отругал меня за бутылку дорогого марочного вина, что сорю деньгами, о без колебания принял ее и удалился в сторожку со словами напутствия.

— Далеко от берега не уходи.

Что со стороны казалось простым и легким на поверку оказалось непослушным и сложным. Увлеченная желанием и веслами, немного раздосадованная, что сразу у меня не получается задуманное я не заметила как песчаная кромка пляжа слилась с ночью, а берег замерцал лампочками поселковых столбов и стал похож на новогоднюю елку, опрокинутую на бок. Мне стало страшно. Желание быстрее добраться до твердой земли заставило с удвоенной энергией и безрассудством шлепать веслами по воде. Огни поселка появлялись то справа, то слева и упорно не желали приближаться. Выбившись окончательно из сил я попыталась позвать на помощь. Но берег был далеко и мой хрип пересохшего горла остался без внимания в стремительно надвигающейся южной ночи. Растертыми до крови ладошками рук и от нестерпимой боли я к веслам уже прикасаться не

могла и весла бесполезно болтались вдоль бортов побрякивая металлическими рожками похожими на школьные камертоны. Их монотонное бряканье напоминало церковный перезвон за упокой души и призывало к смирению. На смену страху пришло полное безразличие ко всему окружающему. Течением уносило лодку в открытое море и через некоторое время огни берега едва-едва стали различимыми. В голову лезли всякие бредовые мысли и я представила как через несколько дней органы дознания найдут тело, определят личность, сообщат родителям и они убитые горем будут оплакивать свое единственное непослушное дитя, будут долго корить себя за то, то не уберегли, не выяснили и не поняли причину приведшую к семейной трагедии. Похоронят с почестями помянут по христиански и на этом закончится мой скромный визит на благодатную и неповторимую в своей красоте и величии планету. Свернувшись клубочком на дне лодки так, что колени уперлись в подбородок я стала ждать наступления смерти. Сколько прошло времени определить я не могла.

Утренняя прохлада пронизывала меня коликами, тело испытывало ощущение, что его режут на части острым предметом, поблизости злобно рычало доисторическое чудище и пыталось дотянуться до меня острыми и кривыми как у бабы яги клыками. Я встrepенулась от страха. Рядом с

лодкой покачивался катер. Зверем рычал его подвесной мотор. Выхлопные газы с силой вырывались из-под воды и она клокотала в сизом облаке. На меня удивленным взглядом смотрело бородатое лицо типичного, просоленного ветрами браконьера. Эта физиономия была бы уникальной и неповторимой находкой для любого режиссера для съятия фильма о криминале на воде. В то же время взгляд был не злым, а с нескрываемой веселинкой.

— И как далеко да в такую рань мы собрались плыть? — поинтересовался сошедший с небес браконьер.

Безмолвные мои слезы были красноречивее всяких слов. Он только посмотрел на спасательный круг и номер лодки и еще раз просверлил меня очень пронизывающим взглядом. На предложение перейти в катер, по непонятной причине, я отказалась, повторного более настойчивого не последовало. Вместо приглашения браконьер бросил мне стеганное полупальто и в этом его поступке промелькнула пренебрежительность к моей персоне, что отвлекаю от дела ради которого он вышел в море в столь ранний час. Не обронив ни одного слова упрека в мою сторону браконьер ловко закрепил эластичный капроновый трос за металлическое кольцо на носу лодки странным красивым узлом и тронул с профессиональной осторожностью катер одновременно наблюдая за

тем как ведет себя буксир и свалившееся неожиданно на его голову закутанное в полупальто, учело, Убедившись, что с буксиром все в порядке, а я не вывалилась за борт, добавил обороты двигателю. К моему удивлению подозрительная личность с поразительной точностью подошла к тому месту от которого я начала свое неудачное и плачевно окончившееся морское путешествие. На шум мотора из сторожки выскочил перепуганный, еще не до конца отошедший от сна и хмеля, сторож. Увидев его браконьер улыбнулся и с сознанием выполненного долга сказал.

— Степаныч, получай инвентарь в целостности и сохранности.

Молча вытащил на берег лодку вместе со мной, забрал одолженную на время теплую вещь, без лишней суеты уложил в люк катера буксирный трос узел которого развязал с легкостью фокусника, развернул катер в сторону моря и с подчеркнутым спокойствием предупредил.

— С морем, дочка, не балуй, оно шутить не любит.

Я позавидовала его силе, уверенности в себе, легкости и сноровке с которыми он умело справлялся и вместо слов благодарности прониклась к нему сочувствием, что этот местный абориген, иначе и не назовешь его, неплохими физическими данными и доброй от природы

натурой ступив на скользкий противоправный путь браконьерства, в конце концов, сядет на скамью подсудимых. Вскоре катер исчез вдаль и я подавленная и опустошенная наслушавшись упреков сторожа побрела домой.

ГЛАВА.5

Поселок наш маленький. Осенью, зимой и ранней весной в нем нет ни одной посторонней души и жизнь поселок ведет степенно, в умеренном ритме тихо словно вода в речке, что течет по ровной как стол украинской степи. В автобусе, который курсирует в город по расписанию и без такового по усмотрению самого водителя, мест достаточно для всех и никто никого локтями не толкает и, что самое примечательное так это то, то никто не скандалит друг с другом. Но приходит пора безудержной летней миграции курортников устремленных к морю на отдых и наш поселковый пляж превращается в человеческий улей, ничем не отличающейся от бразильской Капакобанны. В этот значимый период для поселка, как грибы открываются передвижные торговые точки, с предельной нагрузкой работают мини кафе и, естественно, открывается наше местное кафе которое у местного населения зовется «Стекляшкой».

Следует отметить, что излишки жилой площади в частном секторе пользуются огромным спросом и до предела заселены. Иногда руководители поселковой власти умудрялись изыскать возможность и выделить один-два дополнительных автобуса для удовлетворения пассажирских перевозок. Как правило, такая забота проявляется в разгар курортного сезона и надо быть очень сильным и смелым человеком, чтобы рискнуть пользоваться услугами общественного транспорта.

Примечательно, что в летний период по дурости или тупости местных чиновников в поселок такси не пропускают и мне после разговора по телефону, с руководством парходства, пришлось возвращаться в таких экстремальных условиях. Толпа желающих уехать к морю втащила меня в автобус и я оказался рядом с незнакомкой любительницей морских прогулок, толпа бросила ее в мои объятия в прямом смысле этого слова. Огромным усилием, насколько это мне удавалось, я старался оградить хрупкое существо от реальной возможности быть раздавленной, подобно кораблю в арктических широтах. Стоило мне на мгновение потерять контроль и расслабить руки как толпа сжимала нас так плотно, что мы превращались в единое целое. Ее тихий глубинный выдох-стон взывал на помощь и приходилось мобилизовывать

все скрытые и упрятанные глубоко от понимания медицины резервы человеческой мускулатуры, чтобы завоевать необходимую толику необходимого жизненного пространства.

В такой сложной обстановке мне припомнился случай произошедший несколько лет тому назад с женой моего друга. Ей без злого умысла, аналогичных условиях поездки, локтем ударили в область груди и этого было достаточно для развития и прогресирования неизлечимой болезни. Ни чем не приметный пустяк обернулся непоправимой трагедией. Вспомнив об этом я старался оградить уязвимую область моей незнакомки и предотвратить всякую неожиданность. Она же, не ведая о трагическом исходе в незнакомой ей семье, была прижата пассажирами ко мне так плотно, что этого было совершенно достаточно, чтобы не чувствовать через тонкий ситец платья биение ее сердца, упругую девичью грудь и твердые шарики сосков. «О святая, мадонна! — Вскричал бы, кажись на моем месте темпераментный итальянец, — миг посланный богом продолжайся вечно!»

Автобус запрыгал на ухабах, словно, у него не круглые а квадратные колеса и не на резиновом ходу, а на стальных обручах допотопного тарантаса. Потные и измученные мы вывалились на площадь переполненную пляжниками в

разноцветных купальниках. Вид моей попутчицы вселял опасения и я был готов в любой момент подхватить ее на руки. Показалось, что с недугом она не совладеет и потеряет сознание на виду у многочисленных зевак.

— Плохо? — спросил я.

— Пить, — слабым голосом прошептала она.

Естественно, что ни о какой воде в это время года на территории пляжа нашего поселка речи быть не могло. Единственным спасением могла оказаться пивная бочка, которая располагалась вблизи кафе «Стекляшка» под одичавшим раскидистым абрикосом и как всегда осажденная полчищами загорелых парней изнывающих от жажды, похожих на суворовских рекрутов идущих на штурм бастионов Измаила. Благо, что на этом ответственном посту заправляла всем процессом баба Дуся — директор и главбух в одном единственном лице. Она была непробиваемая и не обращала внимания на дикие вопли и угрозы со стороны очередников, своих поселковых никогда не оставляла без внимания и считала, что нам местным в общей очереди стоять не подобает. И мы без угрызения совести пользовались этим правом коренных жителей поселка. То, что пришлось выслушать мне в мой адрес, а заодно и в адрес моей спутницы, как говорят в Одессе, лучше не пересказывать. Но как бы там не было в руках я

держал два бокала прохладного янтарного напитка и мне казалось ничего нет дороже на всем белом свете нежели ощущения — утоления жажды.

— Пей, — без особой деликатности предложил я.

Она посмотрела на меня круглыми от удивления глазами и по их выражению было понятно, что подобный тон для нее не привычен и прозвучал как оскорбление. Но неожиданно моя голубоглазая незнакомка повиновалась и сделала несколько глотков. Мы отошли в сторонку к «Стекляшке», у которой пустовали несколько столиков. Девушка больше — не пригубила бокал, поставила его на край столика не скрывая брезгливого к нему отношения. Я не настаивал, но и сказать ей чего-то разумного не мог. Немая сцена длилась недолго. Незнакомка нарушила молчание и на чистом московском диалекте сказала.

— Очень и очень вам благодарна за все, — и выдержав паузу добавила, — дедушка.

От неожиданности я почесывал бороду и смотрел на уходящую усталой походкой прочь стройную фигурку. Незнакомка скрылась в ближайшем переулке так и не обернувшись на мой пристальный сверлящий взгляд. Вероятно данными телепата я не обладал. Да и существует ли она эта самая телепатия? Девушка ушла, а в душе осталось давно забытое и необъяснимое внутреннее

волнение. Я поставил недопитый бокал рядом с ее недопитым и под нескрываемое удивление ценителей пива подавленный и разбитый поплелся домой.

Ощущение, что тебя ругают и пытаются причинить боль не покидало меня весь вечер. Мое состояние заметили близкие и всячески пытались выяснить причину моей хандры. Даже от классического нашего самогона настоящего на зеленых орехах нарезанных на четвертинки в день святого праздника Ивана Купала, я отказался и ужин прошел как то скомкано. Брат не назойливо попытался выяснить причину моего состояния, но я дал понять ему, что не хочу говорить на эту тему, а мама встревоженная моим состоянием, не проронив ни единого слова ушла в свою комнату.

Я чувствовал вину перед близкими, но сознательно не хотел посвящать их в свое личное, которое вывело меня из равновесия за столько лет моей спокойной холостяцкой жизни. Всплески эмоций от встречи с незнакомкой я считал временными и от которых смогу быстро отойти и забыть. Сославшись на усталость от поездки в город я ушел к себе в комнату. Показалось, что мне не поверили, но больше ни о чем не спрашивали. Чтобы отвлечь мысли от загадочной незнакомки я рано лег в постель, но сон ко мне не приходил как бы я не старался. Мысли громоздились

беспорядочно одна на другую, перескакивали с одних событий на другие и о чем не вспоминалось годами всплывало непонятно из каких глубин. Но как бы далеко и отвлеченно не кружил я в виртуальном пространстве мысли, в итоге возвращались к загадочной девушке из лодки и автобуса. С собой она затмила и отодвинула на второй план известие, которое сообщили мне сегодня по телефону днем из парашождения, которым уведомили меня, чтобы был готов прервать отпуск в любой момент и по первому требованию вернуться к месту работы. На противоположном конце провода, как приговор прозвучало лаконично и не двусмысленно:

— Все согласованно, готовьтесь к длительной командировке за границу.

То, что мне, как и многим другим претендентам, казалось привлекательным, престижным и почти недосыгаемым, вмиг показалось безрадостным и раздражающим фактором. Очень захотелось, чтобы руководство передумало и предпочтение отдало другому, а мне оставили капитанский мостик моего теплохода. Ворочаться с бока на бок надоело. Встал с постели, оделся и осторожно, чтобы не разбудить спящих домочадцев, вышел из дома и не осознавая правильность своего поступка пошел к морю. Издали заметил силуэт под навесом пляжного

грибка. Я направился к грибку с твердой уверенностью, что вижу перед собой странную незнакомку, которая одна оказалась в море, ту, которую оберегал в автобусе, ту, которая весь вечер заставляла думать о ней, ту, которая назвала меня «дедушкой» за то, то я назвал ее «дочкой».

Я без колебания подошел. Она не испугалась, в ее поведении не было растерянности от неожиданного моего появления. Мое появление в ночи и приход для нее был событием ожидаемым и естественным словно мы об этом договорились заблаговременно. Она встала и шагнула ко мне навстречу, прижалась осторожно к груди и напоминала беззащитного ребенка, готового заснуть безмятежным сном на груди у матери. Я гладил ее шелковистые пряди волос растрепанные легким морским ветерком и благодарил бога, мир и вселенную, что они послали мне это счастливое мгновение. Мне трудно было оценить правильность своего поступка и осознать то, что держу и прижимаю к себе хрупкое существо, которое по непонятным причинам не отвергает меня и позволяет принимать мои ласки. Молчаливое влечение друг к другу окутывалось ореолом таинственности и непредсказуемых последствий. Я был уверен в том, что она была готова отдаться мне без сопротивления, и мы были готовы к этому безумию. Но что-то глубоко упрямое в наших

душах и сознании удерживало нас от поступка, к которому мы были готовы. Животный инстинкт уступил место здравому рассудку и остановил нас.

— Я знала, то ты придешь ко мне, — прошептала она.

— Я почувствовал, что встречу тебя здесь, — так же шепотом произнес я.

Трудно было дать объяснение нашим словам вернее нашей уверенности и том, что встреча состоялась с обоюдного согласия и договоренности. Днем мы расстались даже не желая разговаривать друг с другом и в моих мыслях не было и намека, назначить ей свидание. Мы были разные и далекие друг от друга по многим параметрам. Она — молодая, красивая и загадочная, я — огрубевший и с отсутствием веры в искренности женского пола.

Увлечение и любовь это очень разные понятия, это антиподы, которым подвластно делать людей близкими и далекими, счастливыми и несчастными. Мне неоднократно приходилось убеждаться, что кажущаяся любовь, вдруг неожиданно, оказывалась простым увлечением и женщины подходившие по всем параметрам для семейной жизни, для меня переставали существовать. Рушились радужные надежды и это выбивало меня надолго из колеи.

Что произошло со мной сегодня? Какой бес подстегнул меня как застоявшегося скакуна?

Почему оказался здесь на пляже? Зачем она пришла под этот пляжный грибок? Какая непреодолимая и необъяснимая сила кинула нас в объятия и чем все это обернется в будущем для нас? Все эти вопросы оставались без ответа. Предложить проводить ее домой я не мог потому, то не хотел этого делать. Прижимать ее близко к себе было неопишваемым наслаждением и отказаться от этого счастливого ощущения мог только полный глупец, а к таковым я себя не причислял. Во мне проснулось желание — поцеловать ее, но вспомнив о своей небритой физиономии пришлось отказаться от этой бредовой затеи. Кому приятно прикосновение грубой щетины? Тем более, что мнения женщин на это действие я не знал так как до этого отпуска не носил бороды.

Через какое то мгновение напряжение наших тел ослабло и мы пошли берегом вдоль моря. Я держал ее за пальцы руки и все время боялся, что они выскользнут и исчезнут вместе с хозяйкой. Мы молча миновали лодочную станцию и оказались у примостившихся, у крутого обрыва, непохожих друг на друга, лодочных гаражей возле которых сиротливо стояли на кильблоках катера заботливо прикрытые самодельными крышками из фанеры. Катерный парк напоминал сказочный мертвый городок застывший в ожидании своего волшебного пробуждения. Далекая кромка горизонта, слегка,

побагровела напоминая о наступлении безоблачного жаркого дня. С чего начать разговор я не знал, но то, что говорить о чем то необходимо не сомневался.

— Хочешь в море? — выдавил я из себя.

— С тобой — да, — ответила она не задумываясь.

— Не боишься?

— Нет.

Катер стремительно мчался к горизонту, из-за которого выплывало огромное красное светило готовое проглотить крохотное суденышко с двумя обезумевшими пассажирами. Солнце зашаталось неуклюже, превратилось в подобие азиатской юрты, нехотя оторвалось от кромки воды, тут же побелело и своим дыханием напомнило о наступлении знойного дня и безоблачном небе. Я заглушил двигатель когда берег стал едва различим в дали. Сразу стало невыносимо душно.

— Прыгай, — приказал я и тут же испугался своих собственных слов.

Но было уже поздно о чем либо предупреждать. Моя спутница с каким то мальчишеским озорством перевалилась за борт и в одно мгновение бултыхнулась в воду, а я не раздумывая последовал за ней. К моему большому удивлению моя спутница великолепно держалась наплаву и это успокаивало. Обнявшись мы